

Научная статья

УДК 811.161.1'42

DOI 10.17223/18137083/87/17

Лирический герой и образная картина мира Екатерины Боярских по данным языка

Юлия Александровна Арская¹

Ахмед Алипашевич Мамедов²

^{1,2} Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

¹ juliaarskaja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2706-7833>

² aamamedov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0615-5420>

Аннотация

Выявляются и описываются некоторые особенности лирического героя и образной картины мира в поэзии современного иркутского поэта Екатерины Боярских через анализ лингвистических данных. Рассматриваются такие лексические и грамматические средства, участвующие в создании образов лирического героя и окружающего его мира, как субстантивация прилагательных и причастий, устранение синтаксического субъекта предложения, отказ от первичных номинаций и использования финитных глаголов. Установлено, что частотное использование этих языковых средств свидетельствует о попытке рефлексии по поводу познаваемой действительности как о важной языковой стратегии создания художественного мира в лирике Е. Боярских.

Ключевые слова

Екатерина Боярских, грамматика поэзии, идиостиль, лингвистическая поэтика, лирический герой, образная картина мира, компаративные тропы, олицетворение

Для цитирования

Арская Ю. А., Мамедов А. А. Лирический герой и образная картина мира Екатерины Боярских по данным языка // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 212–225. DOI 10.17223/18137083/87/17

© Арская Ю. А., Мамедов А. А., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 212–225

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 212–225

Persona and figurative picture of the world in the poetry of Ekaterina Boyarskikh in the light of linguistic data

Yulia A. Arskaya¹, Akhmed A. Mamedov²

^{1,2} Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

¹ juliaarskaja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2706-7833>

² aamamedov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0615-5420>

Abstract

The research analyzes the poetry of Ekaterina Boyarskikh, a contemporary poet from Irkutsk. The aim is to identify and describe the persona and the figurative picture of the world she creates. The method applied is linguistic data analysis. It is the poetic grammar, vocabulary, and the means of creating imagery that are the focus of the study. Consideration is given to lexical and grammatical features contributing to the creation of a persona and the world around it, such as the substantivization of adjectives and participles and the omission of syntactic subjects, finite verb forms, and primary nominatives. The syntactic specificity of Boyarskikh's poetry manifests itself when compared to the conventional usage of the structures under investigation that were retrieved from the Russian National Corpus. The frequent use of the linguistic means involved is found to indicate a reflection on the cognized reality. This reflection proves to be an essential linguistic strategy for creating a fictional world. The analysis of comparative tropes unveils the striking parallels between the main images found in Boyarskikh's poetry and the significant features of her figurative representation of the world. The research identifies nature as a common source of imagery, with natural objects regularly undergoing personification. The persona created by Boyarskikh is found to be strongly connected with the surrounding world being repeatedly cognized, as evidenced by the renunciation of conventional nominations and the search for new nominations of the objects of this world.

Keywords

Ekaterina Boyarskikh, poetry grammar, individual style, linguistic poetics, persona, figurative picture of the world, comparative tropes, personification

For citation

Arskaya Yu. A., Mamedov A. A. Persona and figurative picture of the world in the poetry of Ekaterina Boyarskikh in the light of linguistic data. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 212–225. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/17

Ю. М. Лотман писал: «Идеал поэтического анализа – не в нахождении некоторого вечного единственно возможного истолкования, а в определении области истинности, сферы возможных интерпретаций данного текста с позиций данного читателя» [1996, с. 252]. В поэтическом тексте язык «становится средством особого, художественного, познания действительности» [Золян, 2014, с. 12]. Следовательно, лингвистический анализ художественного текста обеспечивает адекватное и объективное постижение его смысла. Одним из направлений такого анализа является исследование разнообразных составляющих понятия *автор*, поскольку «авторский угол зрения, авторский взгляд, авторское отношение действительно пронизывает и скрепляет все произведение и объединяет место, роль, функцию каждого элемента словесно-художественного произведения» [Одинцов, 1980, с. 178].

В филологии термин *автор* имеет 3 основных понимания: 1) реальная личность (поэт, писатель), создающая художественный текст; 2) производитель речи (нарратор, лирический герой), сообщающий о событиях и /или описывающий переживания; 3) идея текста, воплощающаяся в отборе языковых единиц (подробнее об этом см.: [Мамедов, 2022]).

Что касается первого аспекта, то Екатерина Боярских – это современный иркутский поэт и автор малых прозаических форм, филолог по образованию, лауреат премии «Дебют» в номинации «Крупная поэтическая форма». Отдельные особенности ее творчества и поэтики рассматриваются в работах И. Кукулина [2005], И. И. Плехановой [2020].

Ниже детально остановимся на лирическом герое Е. Боярских, а также рассмотрим некоторые особенности авторского сознания, представленные в ее поэзии.

Лирический герой Екатерины Боярских

Для анализа выбраны некоторые лексические и грамматические средства из поэтических произведений Е. Боярских, участвующие в создании художественного мира и образа лирического героя.

Самые частотные из обнаруженных нами языковых приемов в поэзии Е. Боярских – это избегание первичных номинаций, избегание глагольных предикатов или совершенное отсутствие финитных глагольных форм в предложении, а также устранение синтаксического субъекта предложения.

Избегание первичных номинаций является, по нашему мнению, одной из языковых стратегий создания художественного мира в лирике Е. Боярских, реализующейся с помощью различных языковых средств.

Первый способ – это субстантивация прилагательных и причастий. Оказионально используемые для номинации прилагательные и причастия обладают гораздо меньшим номинативным потенциалом, нежели существительные, но большей экспрессивностью и образностью, что отмечает Н. А. Николиной: «В экспрессивно-эмоциональной функции субстантивация может служить средством создания нового имени, которое воплощает важный для автора субъективный смысл. Она используется для номинации явлений, реалий, понятий, не имеющих имени в языке, и одновременно может заменять существующую точную номинацию, выступать как знак отказа от нее, в этом случае экспрессивность транспонированных единиц усиливается» [1988, с. 119].

В стихотворениях Е. Боярских субстантивированные прилагательные и причастия сообщают ощущение «невыразимого», а также создают эффект остранения, приглашая читателя к переосмыслению описываемого фрагмента действительности:

Пока *живородящая* спала,
Живых мальков выплескивала мгла,
И ясен был янтарный промежуток –
Скользкий перелив небытия
(Боярских, 2005, с. 15);

Было *живое* –
куда потом укатилось?
Мысли ушли в *ночное*.

Когда закрываю глаза,
никого не вижу
(Боярских, 2005, с. 15);

Незнакомки, невесомки, разнополюсы надежды
падают на скамейки, на кромки мира.
Они очарованы *нестерпимым*.
Милые, мыльные, лишние,
лопаются – как нищие,
когда прикасаются к милосердию
(Там же, с. 85);

Сломанный изначально крепче *сломанного* случайно
(Боярских, 2009, с. 24).

Второй способ избежать первичных номинаций, используемый в поэтических текстах Е. Боярских, – вопросительное предложение с вопросительным местоимением в позиции подлежащего. Так, в стихотворении «Голуби», в котором метафорическая перспектива перемежается с конкретно-изобразительной, замена существительного вопросительным местоимением в предложении с тремя однородными сказуемыми создает впечатление непознанного фрагмента действительности:

Что это бьётся, не может сделаться шире,
выйти за контур собственного незнания?
(Там же, с. 12)

Третий обнаруженный нами способ избегания первичных номинаций – сложноподчиненные предложения с местоименно-соотносительными придаточными, в которых субъект главного предложения характеризуется с помощью придаточного, но не называется:

Вина на том, кто утратил жар,
беда на том, кто утратил жар
(Там же);

Кто лежит на правом боку,
думает: всё, трындец.
Кто лежит на левом боку,
думает: я не здесь. <...>
Кто лежал на правом боку,
думает: бока нет.
Кто лежал на левом боку,
думает: Бога нет
(Боярских, 2016, с. 17);

Чудно, медленно, многолюдно
Развиднеется то, что смутно
(Боярских, 2005, с. 51).

Близкой к данным языковым средствам по функции и очень частотной грамматической особенностью лирики Е. Боярских является устранение синтаксического субъекта в предложении. Иногда это опущение субъекта, которое при этом не приводит к созданию аграмматичных высказываний и не нарушает логику тек-

ста, поскольку такие предложения напоминают двухкомпонентные неполные, предполагающие на уровне семантики конкретно-референтный субъект:

Не нарушая хода сердца, втайне
не наяву такое *говорит*
(Боярских, 2005, с. 62);

Устал быть столпотвореньем
обернулся белым светом
во все стороны *ушел*
(Там же, с. 88).

В других случаях грамматический субъект отсутствует при глагольных формах в предложениях, имеющих семантический «шлейф» безличных конструкций:

Неисчерпаема – как река.
Если *дано*, никуда не уйдет.
Лед – это тоже вода
(Там же, с. 68);

Тяжело *смеется*, беззвучно *рвется*.
Дорого *обойдется*.
Поэтому лучше гулять по чудесным местам
(Там же, с. 62).

В первом примере характер синтаксической конструкции может быть интерпретирован двояко: как личная пассивная конструкция с опущенным субъектом (ср.: *Еще более конкретное определение понятия онтологии дано в проекте Ontologia Стенфордского Университета* (С. Г. Керимов. Интеллектуальный поиск информации, основанный на онтологии // «Информационные технологии», 2004)¹) и как безличная конструкция (ср.: *Но зато Гансовскому никогда не дано было испытать и тени того счастья, которое досталось после полугода полулюбовного волнения Гольдбергу...* (Людмила Улицкая *. Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) // «Новый Мир», 2000)²).

Во втором примере параллелизм внешне однотипных конструкций так же, как и в первом, не предполагает одинаковой и однозначной семантической интерпретации высказываний ввиду многообразия функций постфикса *-ся*. Так, предложение *Тяжело смеется* может быть интерпретировано как двухкомпонентное неполное: *Он / она тяжело смеется* и как однокомпонентное: *А мне не смеется, а хочется*³. Даже если интерпретировать все три предикативные единицы с постфиксом *-ся* как двухкомпонентные неполные предложения, семантическая структура глаголов в них скорее предполагает три разных субъекта, а не один. Так, глагол *смеяться* является агентивным и не предполагает никакого объекта действия. В актантную рамку глагола *рвется* входит Пациенс в именительном падеже,

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpota.ru> (дата обращения 13.07.2023).

² Там же.

* Минюстом РФ Л. Улицкая включена в реестр лиц, выполняющих функции иностранных агентов.

³ Пример из рецензии в Интернете: URL: <https://www.livelib.ru/story/28321-die-reise-nach-trulala-wladimir-kaminer> (дата обращения 13.07.2023).

а кроме этого, Агенс или Каузатор «за кадром»⁴. В семантике предложения *Дорого обойдется* имеется модальный компонент, при этом и субъект долженствования, и семантический объект, который в подобных предложениях занимает позицию подлежащего, отсутствуют; ср.: *Он лежал на зеленом замеске и думал о том, что его болезнь, пожалуй, слишком дорого обойдется семье* (Федор Абрамов. Две зимы и три лета (1968))⁵; *Это высокомерие дорого обойдется Пономареву* (А. С. Черняев. Дневник (1984))⁶. Таким образом, соотношение семантических участников и синтаксических позиций в трех данных предложениях настолько различно, что не позволяет интерпретировать этот ряд как описание цельной ситуации. Возможно, «просвечивающие» в данных синтаксических конструкциях субъекты и объекты не участвуют в создании художественного мира произведения, в то время как негативные коннотации в семантике слов *тяжело* и *рваться* и выражение *дорого обойдется* передают тягостное настроение лирического героя.

В стихотворении «Рыженькая» устранение синтаксического субъекта из предложения позволяет имитировать безличную конструкцию и актуализировать ее семантический ореол:

Её в лесу остановило. <...>
Её в лесу запечатлело
(Боярских, 2009, с. 61).

Характерно, что в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) не обнаружилось формы *запечатлело* в однокомпонентных конструкциях, а в двухкомпонентных с конкретно-референтным объектом встречаются только три субъекта: *кино*, *фото* и *сознание*. Форма *остановило* из 723 вхождений лишь дважды оказалась употреблена в однокомпонентных предложениях, оба раза – в художественной речи: *Ну, вот я и здесь! Опять меня **остановило** над Лизиной квартиркой... Что за бедность!* (В. Ф. Одоевский. Живой мертвец (1844))⁷; *Вдоль реки меня не пустили идти глыбы натолканных льдов, вздувшиеся ручьи и глубокие старицы; **остановило** вольно сияющей, куда попало бегущей снежной водой* (В. П. Астафьев. Не хватает сердца (2015))⁸. В свете данных фактов можно с определенностью говорить об индивидуальной художественной стратегии актуализации семантики безличности, бессубъектности, стихийности, неопознанной каузирующей силы.

Кроме этого, обращает на себя внимание такая яркая языковая особенность лирики Е. Боярских, как избегание глагольных предикатов. В анализируемых текстах часто встречаются большие фрагменты, не содержащие или почти не содержащие глаголов:

За стеной стена, за стеной стена за стеной,
не в уме болезнь, за стеной она на окне,

⁴ Существует и другое значение глагола *рваться* с Агенсом в именительном падеже, но, как кажется, в рассматриваемом контексте оно не реализуется, хотя полностью этого исключить нельзя.

⁵ НКРЯ. URL: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 13.07.2023).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

не в уме у меня змей, да я и сам не в уме,
а по ночам страшно или не страшно
(Боярских, 2009, с. 19);

Пепельно-красный неба, угольно-синий леса,
звёзды ночного сердца, черничный траур
(Боярских, 2016, с. 20);

Волна за волной, вокруг прибой –
черемуха и весна.
Одна с одной,
одна со дна,
другая едва видна.
Одна напротив – против – одной,
а вместе – опять одна.
Душа с душой
одной хорошо,
другая едва живет.
Душа за душой,
одна как озноб,
другая как Дон Кихот
(Боярских, 2005, с. 51).

Контексты другого типа содержат глаголы, но в нефинитных формах:

Из окна клевера клевета, маета коров уже не видна,
суматоха рыб, верб, рук,
всех быть, верящих в проснуться навек,
спешащих успеть упасть вверх
до начала иных их,
до гари и чада иного дня
(Боярских, 2009, с. 34);

О, бедным путём, походным, затопленным,
неродным
от помойных ям сквозь талое облако,
через кладбище, через дым...
(Там же, с. 37);

Тюрьма земли была пуста,
вращаясь с чистого листа,
прощаясь и свободу образуя
(Боярских, 2016, с. 45).

В следующем двуступиши синтаксическая конструкция, лишённая как субъектов, так и финитных глаголов, утрачивает узнаваемость:

Навсегда спасительно, навсегда вопросительно,
невыносимо, избрано-изгнано на тот свет
(Боярских, 2009, с. 36).

Лексему *вопросительно* морфологически можно квалифицировать только как наречие, в то время как слова *спасительно* и *невыносимо* могут быть и наречиями,

и краткими прилагательными, что создает заведомую неопределенность синтаксической интерпретации данного двуступенчатого предложения.

Представляется, что избегание первичных номинаций, устранение синтаксических субъектов и финитных глаголов из предложений является важной языковой стратегией создания художественного мира в лирике Е. Боярских, заключающейся в рефлексии, идеей которой является познаваемый характер действительности

Образная картина мира Екатерины Боярских

Как отмечает А. Л. Гришунин, «главным и универсальным способом обнаружения “авторского присутствия” в тексте является анализ стиля» [1993, с. 12]. В частности, в [Мамедов, 2022] показано, что одним из способов постижения авторского сознания является исследование созданных поэтом компаративных тропов. К ним относятся разнообразные метафоры:

Носим *рубашки* ветра,
платье прозрачной речи
(Боярских, 2016, с. 20),

и сравнения:

Жизнь, очевидная, *как свиток*
(Там же, с. 14),

в том числе метаморфозы (творительный сравнения):

Они *ласточками* кинулись бы за реку
(Боярских, 2005, с. 62).

Далее речь пойдет о той авторской составляющей, которая обнаруживается в отборе языковых средств лексического уровня, используемых для создания компаративных тропов. Всё это позволяет выявить образную картину мира, которую А. В. Гик и З. Ю. Петрова понимают как «систему устойчивых образных соответствий, которые выражаются в конструкциях компаративных тропов» [Гик, Петрова, 2020, с. 496]. Каждый компаративный троп З. Ю. Петрова и Н. А. Фатеева предлагают описывать «как пару $\langle x, y \rangle$, где x – предмет сравнения (то, что сравнивается), а y – образ сравнения» [Петрова, Фатеева, 2019, с. 34].

Ниже (см. таблицу) представлены образные параллели, реализующиеся в поэзии Е. Боярских с помощью сравнений, извлеченных методом сплошной выборки из текстов двух поэтических сборников «Dagaz» (Боярских, 2005) и «Народные песни дождевых червей» (Боярских, 2016).

Анализ этого материала позволяет сделать некоторые наблюдения.
Природа для Е. Боярских часто становится источником образности:

Так мы и шли, осенние пешеходы.
Тихо шли, под ноги не смотрели,
что-то шуршали сами себе, *как листья*
(Боярских, 2016, с. 13).

В следующем контексте при создании образа звезд используется образ растения:

Они растут, *как чертополох*, на самых краях небес
(Боярских, 2005, с. 55).

Образные параллели в поэзии Е. Боярских по данным сравнений *
 Image-bearing parallels in the poetry of E. Boyarskikh
 according to the comparative data

Предмет сравнения	Образ сравнения
вода	бумага
вопрос	рваный носок
глаза	воздух, вознесенье
гора	ветер
город	веер, кожа
дерево	имя, сон, время
дождь	огонь
душа	озноб, Дон Кихот
женский голос	нежный крик
жизнь	свиток
звезды	чертополох
звук	шов
зеркало	известка
имя	кочевник, качели
капли	стихи
кругосветные фонари, перекладины на мосту	мыльные пузыри
кто-то	дождь, камыш
лес	мост
лестница	зверь
листья	лопасти, дожди
люди	солнечные кочки, солнечные кошки, солнечные зайчики
мех	дождь
молчанье	калитка
мотылек	сокол
мы	листья, ночь, желуди, звери
нежность	нож
ночь	любовь
окошко	лупа, телескоп
Подушкин	дым
поэт	ельник, понедельник
растение кораблик	палочка, спица
река	кровь
речь	лестница
руки	тепло
ручей	мысль
сад	рыба
сердце	хлам
скала	семечко тепла, девушка
слово	семя

Предмет сравнения	Образ сравнения
слон	мох, пух, слух
смысл	лист
снег	химеры
страна	янтарь
ты	музыка
утки	взгляды, люди
черновик	сажа, рыбий жир
шемаханская царица	снег
я	вор, зверь, пустой доспех, дурная собака

* Слова, обозначающие предмет сравнения, в таблице представлены в алфавитном порядке.

При этом возникает ощущение пантеизма, который «роднит поэтику Боярских с поэтикой Хлебникова» [Кукулин, 2005, с. 10]:

Так мы и шли, *как ночь*, и широким краем
падали на дороге себе под ноги,
да у кого-то мерцала *звезда* за ухом,
скрытая, находимая по приметам
(Боярских, 2016, с. 13).

Особое внимание обращают на себя сравнения, создающие образ лирического героя. Слова, описывающие в них образы сравнения (*вор, зверь, пустой доспех, дурная собака*), имеют семантическую общность, связанную с наличием в прямых значениях этих слов отрицательных коннотаций.

Кроме этого, яркой особенностью идиостиля Е. Боярских является использование олицетворений. Этот троп на современном этапе развития лингвистической поэтики активно исследуется З. Ю. Петровой и Н. А. Фатеевой (в первую очередь в связи с созданием ими «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.» [Петрова, Фатеева, 2022]). Вслед за ними термин *олицетворение* мы используем в узком смысле и понимаем под ним «компаративные тропы, образы сравнений которых относятся к семантической категории “Человек”» [Петрова, Фатеева, 2019, с. 36].

Персонализации у Е. Боярских подвергаются разнообразные сущности.

1. Объекты физического пространства:

ладошка *Иноземья*
(Боярских, 2005, с. 18);

Сверху сырое *солнце* белой тряпочкой машет
(Там же, с. 29);

Только пускай *земля*
сначала сама упокоит сосны,
утешит плачущую *траву*
(Боярских, 2005, с. 62);

<...> уродливая лысая *скала*,
покачиваясь в толще поднебесной,
плыла в тазу, как семечко тепла,
как девушка, сияла и краснела
(Там же, с. 15);

Тело *горы* и есть ее время,
есть ее пламень, бремя и детство
(Там же, с. 53);

Всё так. *Река* Каторжанка
проснётся в четыре тридцать,
будто глаз не сомкнула.
Спала сто лет.
(Боярских, 2016, с. 58).

2. Растения:

безумие желтой *травы*
(Боярских, 2005, с. 36).

3. Части тела человека:

переключалось острое *плечо* / и думало
(Там же, с. 34).

4. Артефакты:

Боже, не спится *консервной банке*,
она считает себя цыганкой,
она гадает себе на картах,
щелкает каблуками
(Там же, с. 49).

5. Абстракции:

Я *новость* видела в саду.
Она отбрасывала когти,
она отвязывала корни –
и оставалась без корней!
Она не требовала корма
и тем не менее росла.

<...>

Я *новость* видела в огне,
но там ее не удержала.
Она оставила открытой
печную дверь, и побежала,

и, объясняя Гераклита,
всё разгоралась на ходу.
(Боярских, 2005, с. 37–38);

<...> видно, как *взгляды* взлетают
или на цыпочках ходят по глади, как люди
(Там же, с. 36).

Встречаются контексты с олицетворением, где имеют место «переплетения» компаративных тропов:

Спросонок вопрос *похож на рваный носок*,
он отложен на выброс, он виноват в том, что попал впросак,
угадал ответ –
смотрит из сентября, как цельный отдельный свет
движется за прямым углом по своим делам,
как акварельный свет, параллельный свет
из своего далёкого далека
пересекает бегство черновика
(Боярских, 2016, с. 27).

Отправной точкой создания образа здесь является сравнение вопроса с рваным носком, при этом наличие единиц *виноват*, *попал в просак*, *угадал ответ* и *смотрит* свидетельствует об использовании олицетворения.

Подобные случаи представлены в следующих примерах:

<...> древнее слово снова *растёт*, как *семя*
(Там же, с. 48);

Жалобы холода, *жалобы* духа,
которому слон наступил на ухо,
а был он легкий *как мох*, *как пух*,
как мой раздавленный слух
(Боярских, 2005, с. 81).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что лирическому герою Е. Боярских свойственно обостренное субъективное восприятие мира, который предстает как вновь и вновь познаваемый, о чем свидетельствует отказ от привычных и поиск новых номинаций объектов этого мира. Выявленные в связи с описанием лирического героя лексические и грамматические средства отличаются повышенной экспрессивностью, которая коррелирует с создаваемой компаративными тропами образностью.

Лирический герой находится в тесной связи с окружающим его миром, значимую часть которого составляет природа, часто становящаяся источником образности. В свою очередь, природные объекты подвергаются персонификации, что является важной художественной стратегией Е. Боярских.

Список литературы

Гик А. В., Петрова З. Ю. Эволюция образной картины мира русской литературы: фрагмент «Человек – насекомое» // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2020. № 1. С. 495–502.

Гришунин А. Л. Автор как субъект текста // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 4. С. 20–25.

Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. 2-е изд., перераб. и доп. М.: УРСС, 2014. 336 с.

Кукулин И. «Останемся живыми голосами»: поэзия Екатерины Боярских // Боярских Е. Г. *Dagaz*. М.: ОГИ, 2005. С. 5–11.

Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство – СПб, 1996. 848 с.

Мамедов А. А. Автор в художественном тексте: лингвистический аспект. «Маленькие» поэмы Сергея Есенина. СПб.: Нестор-История, 2022. 320 с.

Николина Н. А. Экспрессивные возможности транспозиции в художественной речи // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. / [Редкол.: В. В. Бабайцева (отв. ред.) и др.]. М.: МГПИ, 1988. С. 116–131.

Одинцов В. В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 264 с.

Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 1. С. 33–46. DOI 10.15688/jvolsu2.2019.1.3

Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв. 2-е изд. М.: ИД ЯСК, 2022. Вып. 6: «Человек». Жизнь, смерть, судьба, время. 872 с.

Плеханова И. И. Вопросы и вопрошание в лирической рефлексии: И. Жданов, Г. Сапгир, Ф. Тютчев, А. Прасолов, Е. Боярских, М. Степанова. М.: Флинта, 2020. 332 с.

Список источников

Боярских Е. Г. *Dagaz*. М.: ОГИ, 2005. 96 с.

Боярских Е. Г. Женщина из Кимея. М.: Время, 2009. 128 с.

Боярских Е. Г. Народные песни дождевых червей. N. Y.: Ailuros Publ., 2016. 74 с.

References

Gik A. V., Petrova Z. Yu. Evolyutsiya obraznoy kartiny mira russkoy literatury: fragment “Chelovek – nasekomo” [The evolution of the world image of the Russian literature: “human – insect” fragment]. *The Russian language and culture in the mirror of translation*. 2020, no. 1, pp. 495–502.

Grishunin A. L. Avtor kak sub’ekt teksta [The author as the subject of the text]. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 1993, vol. 52, no. 4, pp. 20–25.

Kukulin I. “Ostanemysya zhivymi golosami”: poeziya Ekateriny Boyarskikh [“We stay living voices”: Ekaterina Boyarskikh’s poetry]. In: Boyarskikh E. G. *Dagaz* [Dagaz]. Moscow, Associated Humanitarian Publishing House, 2005, pp. 5–11.

Lotman Yu. M. *O poetakh i poezii* [On the poets and poetry]. St. Petersburg, Iskustvo – SPb, 1996, 848 p.

Mamedov A. A. *Avtor v khudozhestvennom tekste: lingvisticheskiy aspekt. “Malen’kie” poemy Sergeya Esenina* [The author in a poetic text: linguistic aspect. Sergey Esenin’s “small” poems]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2022, 320 p.

Nikolina N. A. Ekspressivnye vozmozhnosti transpozitsii v khudozhestvennoy rechi [Expressive potential of conversion in the language of fiction]. In: *Yavleniya perekhodnosti v grammaticheskom stroe sovremennogo russkogo yazyka: Mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Phenomena of transitivity in the grammar system of the contemporary Rus-

sian language: Interuniv. Coll. of sci. works]. V. V. Babaytseva (Ed.). Moscow, MSPI Publ., 1988, pp. 116–131.

Odintsov V. V. *Stilistika teksta* [Text stylistics]. Moscow, Nauka, 1980, 264 p.

Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. *Materialy k slovaryu metafor i sravneniy russkoy literatury 19–21 vv.* [Material for the Dictionary of metaphors and similes in the Russian literature of 19–21 centuries]. 2nd ed. Moscow, LRC Publishing House, 2022, iss. 6: “Chelovek”. Zhizn’, smert’, sud’ba, vremya [“Human”. Life, death, fate, time], 872 p.

Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. Slovarnoe opisanie olitsetvoreniya kak problema poeticheskoy leksikografii [Lexicographic description of personification as a problem of poetic lexicography]. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2019, vol. 18, no. 1, pp. 33–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.3>.

Plekhanova I. I. *Voprosy i voproskanie v liricheskoy refleksii: I. Zhdanov. G. Sapgir. F. Tyutchev. A. Prasolov. E. Boyarskikh. M. Stepanova* [Questions and interrogation in the lyric reflection: I. Zhdanov. G. Sapgir. F. Tyutchev. A. Prasolov. E. Boyarskikh. M. Stepanova]. Moscow, Flinta, 2020, 332 p.

Zolyan S. T. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of a text of poetry]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, URSS Publishing House, 2014, 336 p.

List of sources

Boyarskikh E. G. *Dagaz* [Dagaz]. Moscow, Associated Humanitarian Publishing House, 2005, 96 p.

Boyarskikh E. G. *Narodnye pesni dozhdevykh chervey* [Folksongs of rainworms]. New York, Ailuros Publ., 2016, 74 p.

Boyarskikh E. G. *Zhenshchina iz Kimeya* [A woman from Kimei]. Moscow, Vremya, 2009, 128 p.

Информация об авторах

Юлия Александровна Арская, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Ахмед Алипаевич Мамедов, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, декан факультета теоретической и прикладной филологии Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникации Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Information about the authors

Yulia A. Arskaya, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Philology, Foreign Languages, and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Akhmed A. Mamedov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Dean of the Faculty of Theoretical and Applied Philology, Institute of Philology, Foreign Languages, and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 18.08.2023;

одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 01.12.2023

The article was submitted on 18.08.2023;

approved after reviewing on 01.12.2023; accepted for publication on 01.12.2023